

Литературный МОЯК

№ 10
(227)

Выпуск подготовлен при спонсорской поддержке СХПК Комбината Тепличный

Слово редактору

*Любезный
читатель,
здравствуй.*

Зима пришла, как обычно, - неожиданно. Навалило снега... Как там у Михаила Жаравина (которому 12 ноября исполнилось бы и всего-то 57 лет):

«Дождётся снега -

он прикроет раны,

Земля и души родственны вполне...»

Дождались снега, дождались... А

раны, пусть и «прикрытые», болят...

Сколько потерь в этом году!.. Уж и

не знаю, влияет ли високосный год

или что-то другое... Снова скорбная

весть - умер Сергей Леонидович

Беляков, председатель АККОР

Вологодской области. За неполные

60 лет он многое успел. Но, пожалуй,

главное было сделано в последние

два года жизни (но кто же знал и думал,

что это последние годы!) - благодаря

его настойчивости была

наконец-то сделана дорога на

отрезанный от «большой земли»

Красный берег. В прошлом году по

инициативе Сергея Леонидовича при

его самом непосредственном участии

на Красном берегу был установлен

obelisk воевавшим красносёлам.

А весной этого года там,

на Красном берегу, трудами Сергея

Белякова был установлен и освящён

памятный крест на месте разрушенного

храма...

При чём здесь литература? А при

всём! При том, что жизнь и смерть и

есть вечная тема литературы. Литература

- не что-то отвлечённое. Это

сама жизнь. Вот как, например,

в рассказе «Любушка», опубликованном

в этом номере. Не просто «правда

жизни», а «правда жизни» в

квадрате, в кубе. Потому что это уже

не личная боль, а боль всякого не

очерстевшего душой человека...

«Для памяти пишу», - говорил

Василий Иванович Белов. Вот и я

сейчас пишу для памяти, чтобы

вспомнили мы и Михаила Жаравина,

и Сергея Белякова, и Василия

Белова, и Нину Груздеву, и

Владимира Зинина, и Владимира

Захарына... Чтобы, читая

рассказ «Любушка», вспомнили,

что, как бы нам ни было

худо, кому-то сейчас гораздо

хуже... Вот стихотворение одного из

лучших современных русских поэтов:

Андрей ПОПОВ

Нет покоя в родном просторе!

Грянет гром, упадёт звезда...

Не из праха выходит горе,

Не из почвы растёт беда -

Верить в Бога, теряешь близких,

Понимаешь, что человек

На страданье рождён, как искры

Рождены устремлять вверх.

Да, на страданье...

Чтобы как искры

устремляться вверх...

А куда же ещё-то?.. Там

они, там, родные

наши и близкие...

Дмитрий ЕРМАКОВ.

15 ноября - 80 лет поэтессе Нине Груздевой

(15.11.1936 - 27.06.2016)

Как жаль, что этот юбилей мы встречаем без Нины Васильевны. Она умерла 27 июня 2016 года. Но осталась память о ней. Навсегда остались с нами и будущими поколениями её замечательные стихи...

Нина ГРУЗДЕВА

«Стихи нечаянно придут...»

<p>Где-то месяц плывёт во ржи, Где-то плачут от счастья люди... Удержи меня, удержи - Больше ночи такой не будет! Будет просто алым восход И закаты - как все закаты, Что-то главное в нас умрёт - Будем сами в том виноваты. Очень просто, а не понять, Очень просто, а не ответить - Почему даже</p>	<p>в двадцать пять Мы доверчивы, словно дети? Видишь - месяц плывёт во ржи, Слышишь - нет в тишине покоя! Удержи меня, удержи И погладь по щеке рукою.</p> <p>***</p> <p>Я по льду шла - Был тонок лёд. Я мёд пила - Был горек мёд. Ох, мне идти Нельзя по льду! И нет пути, А всё ж пойду! Ох, мне нельзя Тот мёд не пить -</p>	<p>Твои глаза Нельзя забыть! Нельзя, нельзя... Через нельзя К твоим глазам Иду, скользя. Сорвусь под лёд - Ну так и быть, Оставлю мёд Другой допить!</p> <p>***</p> <p>Стихи нечаянно придут И растревожат, обожгут, И уведут от всех болезней. Не знаю, явятся ли вновь, Они приходят, как любовь, Что кажется всегда последней.</p>
--	--	---

Алексей Алексеевич Шорохов, поэт, прозаик, литературный критик, секретарь Правления Союза писателей России, живёт в Москве. Принимал участие в работе Беловских чтений в качестве почетного гостя и был одним из руководителей литературного семинара для молодых авторов.

Алексей ШОРОХОВ

Поэтому корни русофобии у нынешних «внешних» понятны, объёмными и неискоренимы - сколько ни обнимайся со «стратегическими

другое (страх перед неведомым).

Даже если твой дедушка не расстреливал по декрету священников и не жёг с отрядами продроз-

«Час шестой» - прививка от русофобии

(Мысли по окончании III Беловских чтений)

... Когда же все эти «элиты» заразились своей потомственной русофобией, когда напитались ядовитыми миазмами животного страха перед страной, в которой живут? Как умудрились перемешать многовековую желчь Запада с молоком собственной матери?..

Василий Белов в своём великом эпосе о трагедии коллективизации «Час шестой» не просто показывает корни русофобии нынешней политической и культурной элиты России, он отчётливо обозначает и её происхождение. Само название трилогии «Час шестой» взято из литургии - это момент пригвождения Христа ко кресту. Так Белов обозначает голгофский путь русского крестьянства (то есть, собственно русских, 7/8 населения страны) в XX веке. Здесь аналогия достаточно ясна: вина и на тех, кто распинает (политическая элита), и на тех, кто одобряет и даже подстрекает: «Распни Его, распни!» (культурная элита).

Чтобы было понятнее, что эта вот русофобия, воплотившаяся в деле, не «ошибка», «перегиб» или «искажение», в целом, «верного» учения - Белов приводит цитату одного из основоположников самого «учения», Фридриха Энгельса:

«В ближайшей мировой войне исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы... Война сотрёт с лица

земли даже имя этих упрямых и маленьких наций... И это тоже будет прогрессом». Сказано о русских и о балканских славянах...

Здесь сходятся «интернационалист» Энгельс и нацист Гитлер...

партнёрами». Это у них - в подсознании и архетипе.

И если с «внешними» русофобами всё понятно, то, что же так мучает наших «внутренних внешних»? Я думаю и то (преступление), и

вёрстки казачьи станицы, не слал в кровавом угаре коллективизации составы с кулаками в Сибирь и не зверствовал в одесской ЧК; даже если ты сам не крутил мясорубку приватизации 90-х, и твои лаковые туфли не забрызганы кровью «неэффективного» большинства - перед лицом твоим по-прежнему стоит огромное, стомиллионное, пугающе молчаливое море неведомого. Русский Солярис. Он вглядывается в тебя, изучает, просвечивает сознание и полнит твой мир реальными фантомами.

Всё ли у тебя в порядке с совестью, власть политическая и культурная? Покаяйся, ещё есть время. Отрекись от своей столетней отвратительной русофобии! Читай великого заступника народа русского Василия Ивановича Белова, вглядись в дважды за одно столетие взбаламученное тобой Море! Ведь именно русские - становой хребет этой великой государственности. И когда «леопарды» и «абрамсы» окажутся под Москвой - поздно будет в очередной раз стонать «братья и сестры»...

А. Шорохов в квартире-музее В. И. Белова

Андрей Константинович Сальников - известный журналист, главный редактор журнала «Вологодский лад».

1. Для японского профессора Василий Белов - это и есть Россия. А для нас?

Среди официальных приветствий, обращенных к участникам III Беловских чтений «Белов. Вологда. Россия», одно прозвучало очень издавна - из Японии. К сожалению, профессор Токийского университета ВАСЭДА Ясуи Рёхэй приехать в Вологду не смог, его слова любви и уважения донесла видеозапись.

- Для меня Белов - это и есть Россия, - сказал известный исследователь творчества Василия Белова и переводчик его произведений на японский язык.

Чтения проходили в Вологде и Харовском районе почти неделю и закончились накануне дня рождения Василия Ивановича, 21 октября. Они включили в себя встречи, выступления, выставки, в которых приняли участие больше тысячи участников из 12 регионов России и всех городов и районов Вологодчины. Были события, торжественные, многолюдные - а были камерные, в которых участвовали только близкие Василию Ивановичу люди. Но за каждым из них стояла любовь - к замечательному писателю Василию Белову, к русской литературе, к России.

Известный русский писатель, ректор Литературного института имени Горького Алексей Варламов выступил с докладом «Белов и Шукшин: спор о русском пути». А. Н. Варламов - автор нескольких книг, вышедших в легендарной «молодогвардейской» серии «Жизнь замечательных людей»: он писал об Алексее Толстом и Григории Распутине, Андрее Платонове, Михаиле Пришвине и Михаиле Булгакове. На Беловских чтениях А. Н. Варламов говорил об отношении двух Василиев (Белова и Шукшина) к государству, к русской истории. Несмотря на тесную и трогательную дружбу, они далеко не во всем были единомышленниками.

- Любимым героем Шукшина был Гамлет, - считает Алексей Варламов. - А вот Василий Белов видится мне, скорее, Дон Кихотом...

Шукшин, считает Алексей Варламов, не мог простить властям безвинной гибели отца, который был расстрелян по ложному обвинению в 1933 году. Главным человеком в русской истории для Шукшина был Стенька Разин - писатель считал его воплощением русского протеста против государственного насилия над личностью. И Шукшин, и Белов видели крестьянство основой русского народа, и его уничтожение было для них уничтожением самой России. С возрастом, однако, Белов становился всё больше «государственником», и Шукшин он старался убедить в том, что без крепкой власти в стране их любимая Россия не то что развиваться не сможет - само существование её оказывается под угрозой. Но Шукшин не торопился соглашаться с другом, и его роман о Степане Разине ясно показывает, что государство для автора - сила, враждебная народу.

Белов и Шукшин, считает Алексей Варламов, могли бы по-разному вести себя в девяностых годах, но писатель убежден, что они никогда бы не поссорились: - Они были людьми христианской природы и христианской породы, потому что превыше всего ставили любовь.

К сожалению, этот пассаж Алексея Варламова - едва ли не единственное упоминание на чтениях об отношении Василия Белова к православию. Это удивляет: Ва-

сий Иванович православие считал основой русского бытия, и как можно понять его прозу, не затрагивая эту основу? На II Беловских чтениях тему «Белов и православие» затронула Капитолина Кокшенина, известный литературный и театралный критик, литературовед, доктор филологических наук. К сожалению, продолжения начатый был разговор не получил - а жаль. Думается, как бы подроб-

По пути заехали в Харовск, познакомились с местной районной библиотекой имени В. И. Белова.

Сердце библиотеки - центр литературного краеведения. Основная экспозиция посвящена, конечно, Василию Ивановичу, но и другие харовчане-литераторы не забыты. Приезжие угостились чаем с вкуснейшими пирогами, поговорили с милыми библиотекарями - слава Богу, еще этой профессии в наш обюрократившийся век имя не поменяли, они по-прежнему «души аптекари»... «Души аптека» - так называл библиотеку вологодский

аллею дубков и берез.

Зашли в Никольский храм, который восстановлен на средства Василия Белова и его друзей. Писатель многое сделал в церкви своими руками - полы, например, стелил, иконостас устанавливал. Помогали, поставили свечи...

В Тимонихе осталось всего-то пять домов, зимой никто здесь постоянно не живет, но люди бывают нередко: родственники Василия Ивановича дом навещают, есть жители в близлежащих деревнях. Вологодские писатели лежат надежду возродить здесь жизнь, при-

сказов, рассказы и сказки для детей... Девятнадцатилетний череповчанин представил написанный вполне уверенной рукой рассказ о том, как человек превратился в таракана. Члены жюри тут же вспомнили классическое «Превращение» Франца Кафки - и, оказалось, ошиблись: «Кафка позже был», - заявил автор. Как - позже?... - «Ну, в смысле, я сначала написал этот рассказ, а потом Кафку прочитал...»

Мы порой упрекаем молодых в излишней прагматичности; организаторы были готовы к потоку сти-

Андрей САЛЬНИКОВ

Тимониха - Белов - Россия

(Заметки с III Беловских чтений)

А. К. Сальников в Харовской районной библиотеке

но ни разбирали мы художественные особенности беловских текстов, историю их происхождения и прочие аспекты, разговор о творчестве Василия Белова не может быть полноценным без исследования основ его мировоззрения, которое, несомненно, имеет христианское, богословское содержание.

- Мы жили рядом с человеком, который вошел в историю, - сказал священник Алексей Сорокин, пресс-секретарь Вологодской епархии. - Значение Василия Ивановича Белова со временем становится всё понятнее для нас, и это видно по тому, что чтения, посвященные нашему великому писателю, привлекают всё больше людей, приобретают всё большее значение в общественной жизни.

Отец Алексей по поручению митрополита Вологодского и Кирилловского Игнатия огласил приветствие главы Вологодской митрополии участникам III Всероссийских Беловских чтений.

Профессиональный, обстоятельный, многосторонний разговор о понимании смысла творчества Василия Белова нужен - в этом согласились эксперты, подводя итоги чтений. Прозвучало предложение о создании на базе Вологодского госуниверситета научно-образовательного центра по изучению творчества Василия Белова...

Прозвучало и еще одно предложение: присвоить Вологодскому государственному университету имя Василия Ивановича Белова. Идея обсуждается, есть у нее противники и сторонники. Думается, не так уж важно, будет в Вологде Беловский университет или нет; важнее, чтобы мы не забывали читать книги Белова - его прозу и публицистику, письма и воспоминания.

2. Дорога к дому Василия Белова

Для многих участников III Беловских чтений начались поездкой на родину Василия Белова.

поэт Юрий Макарович Леднев; у него, кстати, в Харовском районе дом в деревне был, тоже не чужой здешним краям человек...

Сотрудники библиотеки подготовили туристский маршрут «Дорога к дому». Это - не специально для гостей, маршрут успешно работает несколько лет. На пути к дому Василия Белова экскурсии не только достопримечательности местные показывают, но и небольшие спектакли - точнее, сценки, поставленные по беловским рассказам. Артисты, конечно, самодельные - но в роли вживаются не хуже иных профессионалов. А может, и лучше; рассказывают-то они о родном, близком, понятном. Никаких насильно предлагаемых режиссёрских обстоятельств. Слушаешь бухтины Кузьмы Барахвостова, и кажется, что это он вот тут и сидит, на лавочке. А когда автобус остановилась обычная, вроде, здешняя баба с авоськой и попросила довести до соседней деревни, никто ничего особенного и не заметил. Только когда рассказ о путешествии в Москву к брату-полковнику перевалил за две-три фразы, вспомнилось - да это же «Маникюр» беловский, как доярка к брату-полковнику в Москву ездил... Аплодисменты актрисе слышали, наверное, и в той деревни, куда мы подъехали, даром, что автобус невелик.

На кладбище в Тимонихе уже ждал священник Анатолий Савчук, настоятель храма преподобного Онурфия Катромского в Харовске. За несколько дней до визита участников чтений здесь был установлен новый памятник на могиле Василия Ивановича, отец Анатолий совершил литию. С особым вниманием разглядывали памятник: родные Василия Белова его еще не видели, понравится ли?

- Признаюсь, я шла на кладбище с некоторой настороженностью, - говорила потом Ольга Сергеевна Белова, - но мне всё очень понравилось.

Мы посадили около кладбища

вельч добровольцев возможностью завести хозяйство. Гости осмотрели беловский дом, полюбовались видами на Сохотское озеро, и - в путь: их ждали на обед в Поповке, это центр Азлецкого сельсовета (назову уж по-старому - рука не поднимается писать слово, которым заменил сельсовет). Встретили и проводили радушно, тепло - и песни пели, и сказки рассказывали. А уж угощали! Не то шесть, не то семь перемен блюд, где так еще притрут?

Вернулись уж затемно. Пока ехали сквозь Харовский район, проезжали деревнями - они тут часто, и дома встречаются радушно, основательные. Казалось бы, живи только - но избы так и откатывались назад, во тьму - деревня за деревней. Разве что отблеск фары мелькнет в оконце... Жизнь здесь наступает летом.

Неужели так и откатилась в прошлое деревенская Атлантида? Как не хочется...

3. На фоне Тимонихи (литературный семинар)

Не берусь судить, что Василию Белову на чтениях его имени понравилось бы, а что нет - думаю; впрочем, что по сердцу писателю пришлось бы многое. Например, литературный семинар: Василий Иванович всегда любил помогать молодым, с радостью поддерживал их - думаю, и нынешним начинающим своей литературный путь помогал бы с удовольствием.

В семинаре участвовали около сорока молодых авторов из Вологды и Череповца, Бабаева и Нюксеницы, Кичменгского Городка, Сокола... Это школьники и студенты, библиотекари и преподаватели. На обсуждение были представлены лучшие работы десяти участников семинара. Руководитель семинара - известный русский прозаик Дмитрий Ермаков, живущий в Вологде, ему помогал секретарь Союза писателей России поэт и литературный критик Алексей Шорохов, вологодские писатели Роберт Балашин, Александр Цыганов, Инга Никитина, Наталия Мелёхина, Татьяна Бычкова, а также преподаватель русского языка и литературы Мария Корчагина (вологодская средняя школа №1).

Пишут молодые о разном, и это порадовало. Больше всего стихов, причём, стихи, в основном - о любви, о чём еще писать в 16-17 лет... Впрочем, среди рукописей есть исторические размышления в стихах и фантастические рассказы, баллады о войне и небольшая повесть по мотивам уральских

сказов и рассказов о деревенской жизни, о природе - но работы на «беловские» вроде бы темы оказались в меньшинстве. И не потому, что молодые не хотят писать о жизни деревни - они её, может, и любят, просто не знают хорошо. Правда, две вологодские старшеклассницы представили рассказы о селе; оба были отмечены жюри как интересные по замыслу, но исполнение не дает возможности говорить о них как о состоявшихся произведениях. Девушки настроены продолжать литературную работу, и это позволяет надеяться, что огрехи стили со временем уйдут, а серьезное отношение останется.

На семинар не смогли приехать все приглашенные - кому работа не позволила, кому нехватка средств, ехать ведь надо было на свои. Одна участница прислала вместо себя маму: так хотела услышать мнение профессионалов о своих рассказах. Мама с блокнотом в руках всё выслушала, записала - не сомневаюсь, что дочке она передаст не только замечания, но и общую атмосферу: доброжелательную, но строгую.

Разговор на семинаре шёл не о конкретных ляпах, хотя и их тоже не пропускали. Говорили о главном - для чего вообще стоит писать. Наверное, об этом довольно точно выразилась одна из участниц семинара, «стараюсь вложить в своё творчество лучики добра, чтобы делиться им с другими». Ну, а чтобы к желанию поделиться добром добавить писательское мастерство, умение владеть словом, строить сюжет - для этого и собирали семинар. Жюри надеется, что не зря собирали.

Как уж говорилось, обсуждали не все работы. В центре писателя Василия Белова при Вологодской городской библиотечной системе 21 октября собрались и те авторы, чьи работы обсудить времени не нашлось. Специально для них Инга Никитина устроила отдельный разговор. Хотя по несколько слов, но каждому сказала. Вот - штришок отношения настоящих писателей к начинающим авторам: строго - но уважительно; без снисходительности, но с любовью.

Обсуждение работ молодых литераторов шло, можно сказать, на фоне Тимонихи: на стенах зала, где проводился семинар, были развешены работы Андрея и Марины Кошелевых. Днем раньше в Беловском центре открылась их фотовыставка «Душа хранит», посвященная 55-летию выхода в свет первой книги Василия Белова - небольшого сборника стихов «Деревенская моя лесная».

- Как же не писать беловскую прозу, когда видишь из окна такую красоту каждый день! - мечтательно произнес Алексей Шорохов, глядя на дивный вид окрестностей родной деревни Василия Белова.

Наверно, надо почаще бывать в Тимонихе. И не только писателям...

Илья Лебедев - участник литературного семинара в рамках III Всероссийский Беловских чтений. Его произведения были отмечены руководителями семинара - известными писателями, порекомендовавшими юноше продолжать литературные занятия.

Илье 17 лет, он оканчивает школу, около года занимается в «Литературной мастерской» при Центре писателя В. И. Белова. В «Маяке» уже публиковалась его проза, сегодня - новая публикация...

... перемен

Он грубо приветствует прохожих, нагло срывая с них шляпы. Когда вечер спускается на город шумом дождя, и загораются пестрые огни вывесок, он безрассудно мчится по набережной, пугает задремавших на тротуаре голубей, вырывает из рук делового старичка газету. Холодный и осенний. Здравствуй, Ветер.

В сумерках ветер гулял по старой улице, вымощенной брусчаткой. Дружелюбно мигала тусклая трактирная вывеска, - из кабака доносилась пьяная мужская брань. Ветер ступал мягко, почти на цыпочках. Вдруг из окна соседнего дома кто-то швырнул бутылку в сторону кабака. Она не разбилась, а угодила в увядший куст сирени, там и осталась. Ветер разглядел на её янтарном боку этикетку с надписью «Приходите ещё!».

Пройдя несколько метров, он свернул в переулок Макаренко, где стояли деревянные бараки. Для людей, что там жили, эти дома были не крепостью, а её развалинами. В свете фонаря Ветер увидел горькую картину: растрепанная мамаша перебиралась на другую сторону улицы, увязая по голени в грязи; за родительницей вереницей плелись дети, будто только что вылезшие из дымохода. Горькая мать потягивала сигарету, смердящую вьетнамской мазью. Достигнув противоположного «берега», женщина скрылась в бараке, оставив детей на улице. Хлестал холодный ливень, ребятишки укрылись под прохрудевшими навесом, молча ждали. Из окна высунулся мужик с квадратным отёчным лицом, он гаркнул что-то невнятное, и дети мигом забежали в подъезд. Ветер миновал переулок Макаренко, не понимая, почему люди живут так.

Пройдя чуть дальше, он вышел в Цветочную улицу. Здесь летом из клумб выглядывали анютины глазки и маки, колосился сочный дерн. Сейчас же зелень завяла, но улица сама по себе была опрятна, без километровых выбоин и покосившихся многоэтажек по сторонам. Правда, не было здесь ни одного живого человека. Но ветер бесстрастно прошагал улицу и свернул куда-то, больше его не видели...

Через полгода, весной, Ветер вернулся. Снова прогарцевал он вдоль кабацкой улицы. У трактира торчали из земли жиденькие блёклые сирени. В одной из них всё так же ютилась брошенная кем-то бутылка, однако «Приходите ещё!» куда-то исчезло. Из кабака по-прежнему доносились истошные вопли гуляк, треск табуреток звенел на всю улицу. Чуть не выло-

мав двери, из трактира на свет божий вывалились двое пьянчуг. Один из них, что поздоровее, схватил дружок за грудки. «Руки прочь от социалистической Кубы!..», - заголосил второй, как потерпевший, и вскоре действительно потерпел - первый по-дружески вдарил ему под дых и

ушел обратно в кабак. Восприняв сцену очень близко к сердцу, Ветер пошёл в переулок Макаренко. Декорации сменили на весенние, а спектакль оставили прежним. Дети, босые и грязные, играли на улице. Мать их стояла на крыльце барака и курила все те же сигареты, из-за тепла сильнее пахнущие вьетнамской мазью. Щёки у женщины впали, волосы поседел, а руки болтались, как веревки. Бараки чуть скосбочились, стояли раздутые, будто распираемые изнутри невзгодами обитающих в них людей. С еще большей горечью на сердце ветер прошел в Цветочную улицу.

Выйдя сюда, он обомлел. Пред ним простирался райский сад, а не улица города. Газоны были засажены юными деревьями. В центре дороги, на островке безопасности, росли цветы. Ветер никогда не видел столь тонкой живописи, граничащей с ужасающим мраком соседних улиц. Кстати, в честь Года Литературы чиновники переименовали Цветочную в улицу Чехова, чтобы отдать дань уважения великому классику. Краем глаза Ветер увидел наклеенный на урну плакат какого-то депутата. «Скоро выборы...» - подумал Ветер и улыбнулся.

Инвалид

Женщина неспешно катит инвалидную коляску по набережной реки. Отдаленный гудок локомотива заглушает всплески волн. В коляске сидит мужчина, держит грубыми руками пылящую дымком папиросу. Его с проседью волосы треплет холодный речной ветер. Не по размеру штормовка обвисает на маленьком теле, пряча культы обеих ног.

Мужчину зовут Алексеем. Сидит он теперь у реки, думает о прошлом и не может понять, почему так не везет ему в жизни:

- Вроде, обычных парнем рос... Ну, курить начал рано. И что с того? Это ведь по шалости было... Вот

и начал. Да что я о куреве-то всё? Разве другого в жизни не было? - он сделал горькую затяжку. Дешевые сигареты все ещё хранили тот едкий вкус, который он помнил с детства. В небе гаркнула чайка, с пошлостью пронеслась над водной гладью.

- В обычную школу ходил, - начал он снова, - Учился так себе, да и не старался вовсе - как пойдёшь. Бежал, гулял с друзьями во дворе. Помню, как яблоки у соседки по даче воровали... Ох, крику-то было! Потом по-старше стал - с девочками начал гулять, красивые были... Когда молодые - все красивые. Сейчас половина из этих девочек спилась, остальные работают за гроши. Тыфу!

правда... Ах, жалко, зараза! Мне бы сейчас ноги... я бы на своих двоих пол-России бы обошёл. Христом богом клянусь. Люди все о крыльях мечтают, им бы полететь. А мне - пройтись босиком по этим камешкам! Я бы так счастлив был! Зайти бы в речку да искупаться. А куда мне с моими культями, только людей смешить. А ведь хочется, хочется искупаться-то!

- Я о себе всё думаю... А ведь у меня семья есть. Женился я на Любушке моей после армии. Недолго ухаживал за ней, в кино пару раз сходили да уж и распались. Тогда проще было с этим. Породнились мы с ней, деток нарожали. Вон,

бы чирикают на тротуаре, подбирая крошки. Река плывет, спокойна и величава. Солнце остыло, ветер утихомирил его полуденную запальчивость влажным дыханием облаков. Папироска давно потухла в руках Алексея, недотянутая до половины.

- Любушка, подай хлеба, я воробышков покормлю, - умильно обратился он к жене, которая всю прогулку молчала.

- Держи, Алёша.

- Нам уже по пятьдесят, а мы всё Любушка да Алёша...

- Значит надо. Всё не просто так: ты для меня, я для тебя.

- Это мудро сказано, Люба. Давай ещё немножко помолчим, да поедем.

Он отламывает кусок свежего ржаного хлеба, горбушку откусывает сам, а мякоть - бросает птицам. Долго умиляется тому, как быстро смяли хлеб резвые воробышки. Достает папиросу, сладкую для обветренных губ и слабого обоняния. Думает ещё минут пять, а после закуривает.

- Любушка, а ведь не всё у нас так плохо. Живут люди и хуже, да ничего. Не надо печалиться, не надо. Я раньше горевал, а теперь не буду.

- Мы, Алёша, нынче счастливее многих других. Это не утешение нам, а знак. Впереди неизвестно, что будет. А сейчас мы друг на дружку смотрим и улыбаемся. А значит - счастливы.

Они ещё пару минут глядят на реку, от набережной до дома Любушка катит коляску молча. Она всё понимает без слов...

Алёша и Марфа

Нам нравятся грация и тёплое дыхание лошади, её резвый бег и стройное тело. Облака - те же кони, они пасутся в густой синеве неба, сбиваются в стада и мчатся в далёкое лето. За ними несутся табуны земных скакунов...

Бывает так, что люди связаны с лошадьми так же крепко, как те - с облаками. Алёша живёт в глухой деревне, где старики доживают свой век. Лошади для мальчика - лучшие друзья. Больше всего он любит пегую кобылку Марфу. Алёша носит ей из деревни овёс и чешет гребешком гриву, а она катает его по полю и ластится к нему. Они часто отдыхают вместе.

Особенно любит Алёша с Марфой вечером глядеть на занесённое облаками небо. Прилягут на стог сена и смотрят вдаль, Алёша кормит лошадку яблочком, а та всё мотает хвостом да сопит. И тоже вдаль смотрит. А мальчик мечтает: о небе, о звёздах, о полете. И Марфа мечтает о чём-то. Глядит на небо и радуется.

И следующей ночью Алёша спит на печке и видит сны. Там, в этих снах, он седлает белогривых небесных лошадей и мчится по бесконечному полю, и ему хорошо.

И, наверное, Марфочка тоже видит такие сны, где она скачет вместе с небесными лошадками, легкими и прекрасными, по пастбищам и лугам самого Господа Бога...

Три рассказа

- Поступил в железнодорожное ПТУ, учился там тоже тяп-ляп. Да, благо, не выгоняли. Я диковатым рос, бумажки писать не любил, прилежничать... - не моё, короче. Я больше руками работать, кому, если надо было что починить, - всегда помогал. За спасибо помогал, а иногда - выпить предлагали. Я не отказывался. Заслужил ведь...

- Дальше в армию пошёл. Служил, два года прошло - вернулся. Особо и не помню уже, как-то не до того было... Сослуживцев всех потерял, ни с кем теперь контакту нет. А казалось, когда служили, что товарищество на века будет... Вот тебе и на века!

- После армии на работу устроился. Любил с вагонами возиться, чинить составы, пути железнодорожные. Я и сваривать умел, батя научил. Да только ноги под поездом не совать не научил... Как я так, забыл машиниста-то предупредить... Хорошо, что ход вначале тихий, успел наполовину отползти, только ноги,

героем, видно, быть придётся. И пусть тяжёлая то ноша, Не в этом разве суть игры? Кому хрустальные подошвы, Кому тяжёлые циты. И не раскрошится надежда, И мир не сточится к концу, Покуда будут, как и прежде, Доспехи женщине к лицу.

Ответа нет

Здесь ропот слёзный. Ещё не поздно? Господи, ты со мной? Глядишь с иконы С лицом серьёзным... Ответь, не кривя душой. Идущих много Тропой порока, И спутаны масти карт. О чём молчали Пророки Бога, Когда зачинался ад? Пусть ладан души, Нутро наружу, На платье от воска след.

Ещё один участник литературного семинара в рамках Беловских чтений - Елена Хлюстова. Ей 17 лет, она из города Сокола. Сейчас учится в Вологде. Стихи пишет давно, были и публикации... Станет ли поэзия главным делом её жизни - покажет время, сама жизнь...

Елена ХЛЮСТОВА

Для тех, кому холодно

В шутке жизни смешного мало, Не в затылок, говоришь, полегче. И под градусом, чуть устало Обнимаешь меня за плечи. На глазах у меня завеса Тонкой пленкой соленой горечи. На уме лишь Есенин-повеса, Воскрешенный дурманом ночи. Мне тебя воровать привычно По крупнице песочной кашицы. Улыбаюсь: да, все отлично! А внутри разлагаюсь, кажется. Я любить тебя так устала. Так устала - хоть сердце в урну. Мне всю жизнь тебя было мало,

А теперь много так, что дурно. Пусть вокруг разлилась Вселенная, Я уйти не искала повода. Ты нашел его за меня: «Возвращайся в дом. Тебе холодно».

История одного рыцаря

Жизнь расплывается по швам, Но душу сдерживают латы. Она в принцессы не пошла. Она решила стать солдатом. Ей срочно нужен был герой, И, не дождавшись добровольца, Она решила, что самой

Здесь ропщут души. Ответь мне, Боже! Ответа нет...

Я сильнее

Туманной поволокой полночи, И винной пробочкой в руке... Ты замечал, что обесточен, Пусть сотня слов на языке? Но недосказанных. Усохшихся. Теперь уж - вечно вчера.

Перебираешь грёзы ночью, Чтоб счесть их глупостью с утра. Ты не живёшь. Ты только думаешь, Глотая нервно воздух ртом. Чёго-то ждёшь, Кого-то слушаешь, Став одомашненным зверьком. Как в старый шкаф уже утопаны И упресованы в нутро Твоей души Мечты и думы, И пилигримское пальто. И ты идёшь, уныло шаркая, Забросив шутку юных лет, Когда в мозаике плиток кафеля, Ступал всегда на красный цвет. А там, внутри, шипит, цапается, Пытаясь кокон разодрать, Где юным ты успел состариться... Я в это не хочу играть.

Я жить хочу. Бежать под ливнями, Считаю блики фонарей. Я не приручена рутиной.

Я сильнее.

...Так и бывает - накапливаются стихи, которые хочешь поставить в номер, но всё как-то они... «не встают». Одно стихотворение - как его подать читателю? А два? И лежат в компьютере стихи моих друзей, знакомых и незнакомых людей... Вот, например, с Владимиром Захарьиным я был знаком лишь заочно, в интернете, даже однажды давал в «Маяке» его стихотворение... Долго не было от него сообщений, а потом узнал, что он умер. Я зашёл на его страницу «в контакте», а там стихотворение...
К счастью, история других стихотворений в этой подборке менее трагична... Просто стихи. Если люди их пишут, значит, это нужно, необходимо...

Владимир ЗАХАРЬИН

Просто стихотворение

Я проблем не пытался решать
в межпланетном масштабе,
Я спокойно смотрел,
как в зените плывут журавли,
И, слагая стихи об обычном,
земном, звездопаде,
Никогда не боялся,
что завтра останусь внакладе,
Что к другим берегам
без меня поплывут
корабли...
Я красот не искал, не просил,
чтоб меня не забыли,
Не ловил приключений,
слоняясь по краю земли...
Просто очень хотел,
чтобы люди
счастливыми были...
А они почему-то
счастливыми быть не могли...

Алексей ШОРОХОВ

Ещё случаются чудачества,
Ещё сбываются пророчества.
Но, в целом - лишь утрата
качества,
И разрастанье одиночества.
Не то чтоб сам я стал
бестрепетен,
И жизнь прошла куда-то
в сторону
- А что в её священном лепете
Надежд и дней осталось
поровну.

Просто стихи

Евгений Некрасов

Памяти Василия Елесина

Не хватает тебя,
твоей робкой улыбки.
Просветлённого взгляда.
Усмешки незлой.
Иногда я забудусь.
Рука по ошибке
набирает привычно
телефон прежний твой.
Лишь пустые гудки
возвращают мне память.
Я в смятеньи холодном
давлю на рычаг.
Грудь терзает
отчаянья горькое пламя
оттого, что друзьям
не подать больше знак...
Часто снится, что мы
на весенней рыбалке.
Что бурлит в котелке
из смородины чай.
Что уже опрокинуто
нами по чарке.
Полыхает черёмухой
яростно май!..
Ты читаешь Рубцова
знакомые строки.
В речке рыба играет.
Поёт соловей.
Так отраднa картина!
Но в прошлом далёком...

Не осталось почти
со мной старых друзей...
Но беседую в мыслях
я с вами порою.
Ты, как раньше бывало,
советы даёшь.
Словно рядом незримо
по жизни идёшь
И по-прежнему близко тебе
всё земное...

Ирина КУВАЕВА

Ты женщина, и этим ты права!
Хотя за логикой твоей
угнаться трудно,
И ты порой бываешь
безрассудна,
Но от тебя кружится голова.
И вслед тебе летят мужские
взгляды -

Ты даже со Вселенной
затеваешь споры.
Ты женщина,
и этим ты права!

Артём КУЛЯБИН

Возвращение

Подступают слёзы,
Грустно, земляки,
Были - сенокосы,
Стали - ивняки.

Вроде, всё знакомо,
Но совсем не рад,
Были - стены дома,
А теперь - дрова.

Где-то замаячит,
Если поглядеть,
То ли праздный дачник,
То ли пьяный дед.

Пусто стало очень
В отчей стороне.
Улица - короче,
Кладбище - длинней.

В безрассудном рвенье
Любим говорить:
«Вышли из деревни!»
... Так кого винить?

«Разве в этом кто-то виноват,
Что с деревьев дистя улетели?..»
Н. Рубцов.

Всё трудней, печальной
жизни путь,
Всё короче до конца дороги...
Ты обиды, ссоры позабудь -
Их у нас не так уж было много.

Пусть в душе останется тепло.
О хорошем память сохранится.
Мы мечтали жизнь
прожить светло.
Знали, что она не повторится.

И когда прощальный день
придёт,
Не трави, прошу, себя слезами.
Не дано же знать нам наперёд,
Что случиться может
завтра с нами...

Ты привлекаешь нежностью
своей.

Но самой высшей женской
наградой

Считаешь ты любовь своих
детей!

Ты женщина, ты мать и ты
подруга,

Ты верная, счастливая жена.
Пусть дом твой стороной
обходит вьюга,
И в сердце будет вечная весна.
Ты женщина, в тебе начало
жизни.

Ты истина, и в этом твой секрет.
Ведь нету никого тебя
капризней,

Но и прекрасней никого
на свете нет!

Войдёшь в огонь
и передвинешь горы -
Всё по плечу тебе,
и это не слова.

Перемены

Кажется, небо упало
В овсяное поле,
Где васильки, как осколки,
Дрожат, обступая меня.
Но наверху всё спокойно,
И чувство такое,
Что никому никогда
Ничего не придётся
менять.

Но через час
Солнце скроет
За тучами ветер,
А через день
Васильки переедет комбайн.
... Было - и нет,
И напишут в районной
газете,
Что по овсу, как всегда,
Перевыполнен план...

Любушка

Сегодня было особенно холодно. С утра лил мелкий противный дождь, а к вечеру белыми пушистыми хлопьями повалил густой снег. Природа готовилась к зиме. Маленькая хрупкая девушка в осенних сапожках бойко перепрыгивала недавние лужи. Впрочем, идти было некуда...

После смерти мамы уютную двушку в центре города пришлось разменять на две части... Старший брат купил ипотечную квартиру в северной столице, как раз к рождению первенца, а Любушка внесла деньги за небольшую «долёвку», которая неторопливо строилась на окраине родного города.

Работала девушка мастером-педагогом: лепила из глины разные необычные фигурки. Особенно красивыми и пластичными получались голуби, поднимающиеся вверх небесно-белые крылышки. По тому, какие краски и оттенки подбирала девушка, можно было узнать, что у неё на сердце.

«Может, это мне сейчас кажется, или правда грустит Любушка-голубушка?» - шептала, бывало, матушка. Но когда это было!

Два года она жила у соседки Клавдии Андреевны... Год смеялся другим... За драной обезьяной вылез совсем плешивый

петух... Дом так и не построился. И понеслось... Митинги, полицейские участки, стройнадзор, больница... Клавдия Андреевна умерла в мае, а к ноябрю нарисовались все её дальние родственники.

Любовь Аносова пыталась договориться хотя бы о том, чтобы снимать комнату, но зарплату не хватало даже на это. Брат Пашка поменял телефонный номер, а может, застрял в очередной военной командировке. Помощи ждать было не от кого.
... Девушка ускорила шаг, вероятно, в голове её родилась важная мысль. Она прыгнула в мятый автобус и, прижавшись щекой к окну, стала считать этаж за этажом. Закончив счёт на цифре десять, Любушка пошла к выходу. Это была конечная остановка...

На улице падал снег. Деревья и дома покрывались теплыми пушистыми шубами.

Наконец, девушка подошла к дому и снова принялась считать этажи. Уже больше года дом стоял без крыши и умирал. Любушка легко проникла внутрь пустой многоэтажки, ос-

вещая путь обычным мобильным телефоном. Бросив в угол скромные пожитки, уселась прямо на голый бетон и, дрожа, провалилась в забытье.

Очнувшись от голоса, пробирающегося в опустевшее сознание:

- Ты кто? Это место занято.
Любушка вскопчила и закричала, как ещё год назад голосила на митинге, что она имеет право, она человек.

Седой собеседник опустил рядом и угрюмо произнёс:

- Тоже дольщица! Приходи чай

пить, внизу костерок - плеснём водички. Нас здесь таких человек пять! Но, как вижу, будет больше...

Любушка посмотрела на телефонные часы - до работы было ещё долго. Она почему-то вспомнила, что её квартира на самом последнем этаже, и побежала вверх... С трудом удалось протиснуться туда, где должна была быть заветная квартира. Крыши не было... Вероятно, теперь она была уже ни

к чему. Выбитые стёкла, вырванные батареи... Любушка забралась на подоконник и закричала из последних сил:

- Боже! Помогите найти успокоение, потому что люди перестали любить и жалеть друг друга... - А дальше засвистел ветер... Седой старик сдёрнул её вниз. Любовь ударилась о холодный бетон, но уже не почувствовала боли.

- Бомж я, бомж... - прохрипел старик.

Девушка ничего не ответила. Она улыбнулась:

- Значит, мы похожи... Боже, я бомж....

Старик помог ей встать на ноги. Девушка поклонилась и пошла вниз.

Спустя несколько минут, она уже брела по промерзшей насквозь улице. К утру грянули довольно сильные заморозки... Любушка прижалась к берёзе, сцепив крепко, как перед исповедью руки, чтобы не упасть... «А может, ещё всё пройдёт, Любушка, - ласково прошептала матушка, - птичка моя драгоценная. Посмотри, какие удивительные, белоснежные, словно живые голуби, а ведь они всегда возвращаются домой...»

ДОЛЬЩИЦА, пос. Кувшиново.